

Российская академия наук
Институт психологии

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

виды, источники, пути построения

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев,

А. В. Юрьевич

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2021

УДК 159.9
ББК 88
П 86

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

П 86 Психологическое знание: виды, источники, пути построения /
Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. В. Юрьевич. – М.: Изд-во «Институт
психологии РАН», 2021. – 458 с. (Методология, теория и исто-
рия психологии)

doi: 10.38098/thry_21_0434
ISBN 978-5-9270-0434-8

УДК 159.9
ББК 88

В книге обсуждаются наиболее сложные вопросы систематизации и строения психологического знания. Рассмотрены такие проблемы, как роль дискуссии в построении психологического знания, феномен его индоктринации, возможности его интеграции и т.д. Рассуждения авторов сгруппированы в три раздела: методологические проблемы психологического знания, пути его построения и некоторые источники. Книга предназначена для всех, кто интересуется методологическими проблемами психологии.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2021

ISBN 978-5-9270-0434-8

Содержание

А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. Введение 7

Раздел I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

<i>А. А. Фёдоров. Проблема научного знания в психологии</i>	11
<i>И. А. Мироненко. О методологическом разнообразии психологического знания</i>	28
<i>С. В. Фролова. Проблема систематизации и мониторинга видов научного психологического знания</i>	46
<i>Н. Е. Харламенкова. Объяснение и психологическое знание</i>	69
<i>А. М. Двойнин, И. С. Буланова. Феномен индоктринации: психологические подходы и современные направления исследований</i>	92
<i>В. Ф. Петренко. К проблеме психосемантики сознательного и бессознательного знания</i>	116

Раздел II

ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

<i>Т. В. Зеленкова. Разнообразие психологических данных и проблема систематизации видов психологического знания</i>	137
<i>Ю. И. Александров. Опасность междисциплинарных исследований и ее преодоление</i>	159
<i>А. Н. Лебедев. Роль дискуссии в развитии научного знания</i>	199

О методологическом разнообразии психологического знания¹

И.А. Мироненко

doi: 10.38098/thry_21_0434_002

Развитие психологии в качестве самостоятельной науки, рождение которой принято относить к последним десятилетиям XIX в., с самого начала было отмечено методологическим разнообразием. Переход XIX–XX вв. характеризовался «взрывом» новых разнообразных теорий, уничтоживших доминирование «традиционной» психологии, которая вела свое начало от Декарта и в основу которой было положено единство предмета (сознание), метода (интроспекция) и теории (ассоциализм). Произошедшая в точке рождения новой науки бифуркация направлений была следствием радикального обновления и расширения предметной области психологии и ее методов с наступлением эпохи модерна и становлением соответствующей реальности новой эпохи неклассической науки.

С развитием нашей науки, к огорчению тех, кто полагает ее наукой допарадигмальной и надеется на переход в статус единой парадигмы, методологическое разнообразие не уменьшалось, а, напротив, последовательно возрастало. Внутри школ происходило деление: из психоанализа выделился неофрейдизм, затем гуманистическая психология. Бихевиоризм также пошел по дивергентному пути развития. Возникали и принципиально новые мощные движения, такие как когнитивная психология. Дифференциация уверенно доминировала над интегративными тенденциями.

Сегодня психологическая наука вновь переживает период взрывного роста разнообразия в ходе глобализационных изменений как нового этапа цивилизационного развития и становления глобальной науки, в том числе психологической (Журавлев и др., 2018). Еще год назад казалось, что основой глобализации науки является прежде всего мобильность профессионального сообщества в мировом масштабе. Пандемия коронавируса стала преградой для живого обще-

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00260.

О методологическом разнообразии психологического знания

ния ученых, однако процессы развития глобальной науки не только не остановила, но и, благодаря переходу научного общения в онлайн-формат, явилась еще одним фактором, усиливающим наметившиеся ранее тенденции формирования глобального пространства современной науки. Многообразие школ, определивших развитие психологии в первом веке ее существования как академической дисциплины (с последних десятилетий XIX до последних десятилетий XX в.), расширено выходом в новое предметное пространство культурной специфичности объектов и субъектов психологического познания и имплицитных оснований теорий, укорененных в культуре народов, что обуславливает необходимость новой методологической рефлексии психологического познания, причем не только инструментов, обеспечивающих «понимание как знание», но и методов, с помощью которых в контексте локальных школ осуществляется «понимание как интерпретация», и «понимание как постижение» (Знаков, 2005, 2016). Становление *глобальной психологии* как нового этапа в развитии мировой науки (подробнее см.: Журавлев, 2019) происходит путем формирования новых научных центров, подчеркнуто отличающихся от мейнстрима второй половины XX в. как географически, так и в отношении методологических ориентиров, сопровождается ростом разнообразия теорий и методологии психологии.

В то же время на фоне неизменной тенденции к росту теоретико-методологического разнообразия в методологии психологии на всем протяжении ее истории доминирует негативное отношение к многообразию существующих школ (парадигм, империй). На протяжении всего XX в. методологи оплакивали так называемый «кризис психологии», основным проявлением которого является отсутствие единой общепринятой теории и единых критерииев научности знания. В период становления глобальной науки, когда в психологических исследованиях на первый план выступили вопросы культурных различий, надежды методологов мирового мейнстрима обращены к возможности создания «универсальной» *психологии*, которая вскроет единые для всех людей, независимо от их культурной принадлежности, законы психического, по отношению к которым культурные особенности играют ту же роль, что и программное обеспечение для компьютера, не затрагивая, собственно, его аппаратное обеспечение («железо»).

Разделяя точку зрения А. В. Юревича, что переход от монистических моделей интеграции психологического знания к плюралистическим уже происходит и является проявлением эволюции методологии психологии (Юревич, 2010), полагаю все же, что сторонники

методологического плюрализма пока еще в меньшинстве и попытка добавить аргументы в пользу такого взгляда не будет лишней.

Следует ли считать симптомом «болезни» свойство, которое характеризует все время жизнедеятельности системы? Конечно, жизнь несет в себе свойство умирания, но без умирания нет и самой жизни. Возможно, есть смысл посмотреть на множественность методологических систем психологии как на явление естественное, имманентно присущее нашей науке в силу особенности ее предмета, более того – полезное.

О вечной дихотомии описательного и объяснительного подходов

Предмет психологии качественно отличается от предметной области всех остальных наук тем, что, будучи реальным проявлением бытия, он не относится к сфере объективной реальности. Психическое субъективно по своей природе. Поэтому стремление к его научному познанию неизбежно, так как наука не может вынести за скобки существенную, даже существеннейшую для себя¹, сферу реальности, и в то же время обречено оставаться недостижимым идеалом.

Прежде всего в истории психологии неизменно присутствует дихотомия описательного и объяснительного подходов к формированию психологического знания, которые производят разные его типы.

В описательной парадигме, представленной еще Дильтеем и им же противопоставленной психологии «объяснительной», критика «объяснительной» психологии и призывы к выходу за ее рамки в первую очередь относятся к тому, как в последней представлен предмет исследования на исходном этапе анализа. В рамках объяснительной методологической традиции предполагается причинно-следственная детерминация событий объективной реальности, что и позволяет сформулировать научную (т. е. рациональную) гипотезу и произвести опытную проверку. Неприемлемость такого «объективного» исходного описания предмета исследования для психологии является постоянным аргументом критики объяснительной психоло-

1 В своей нобелевской речи И. П. Павлов говорил: «В сущности нас интересует в жизни только одно – наше психическое содержание. Его механизм, однако, и был, и сейчас еще окутан для нас глубоким мраком. Все ресурсы человека: искусство, религия, литература, философия и исторические науки – все это объединилось, чтобы пролить свет на эту тьму. Но в распоряжении человека есть еще один могучий ресурс – естествознание с его строго объективными методами...».

О методологическом разнообразии психологического знания

гии. Именно невозможность подойти к анализу психической реальности в ее истинной сущности и феноменологическом богатстве при использовании рационального объяснительного метода традиционно служит обоснованием обращения к методу описательному.

Альтернативой объяснительной является *парадигма описательная*, в русле которой психика как предмет анализа выступает во всем богатстве своей феноменологии. Здесь принимаются в расчет не только те характеристики предмета, которые укладываются в рациональную детерминистскую причинно-следственную картину, но и все те, которые открыты непосредственному переживанию субъекта, интуитивно постигаемы, однако недоступны рациональному анализу и объяснению.

Известная слабость описательного подхода во всех его вариантах заключается в сомнительности соответствия порождаемых теоретических моделей требованиям научности, т. е. детерминизма и рациональности. Слабость *объяснительной парадигмы* – в исходном описании предмета. Это приводит к тому, что в русле описательной психологии оказываются неприемлемыми исходные постулаты объяснительной психологии, а в русле объяснительной отвергаются итоговые теоретические модели описательной.

Как сказано в статье В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили, «либо объективность метода достигается ценой отказа от понимания психической реальности, либо сохранение психического достигается ценой отказа от объективности анализа» (Зинченко, Мамардашвили, 2005, с. 62).

Как известно, описательная методология в большей степени характерна для «гуманитарной» парадигмы, в рамках которой психология сотрудничает с гуманитарными же науками и психологи задаются вопросами в большей степени «зачем», чем «отчего», т. е. телеологический подход доминирует над каузальным. Объяснительная методология доминирует в естественно-научной психологии, с присущей последней каузальной ориентацией. В рамках настоящего анализа мы не будем специально останавливаться на соотношении гуманитарной и естественно-научной парадигм, полагая, что здесь первично скорее деление по предметной области исследований.

Споры между сторонниками описательной и объяснительной парадигмы то затихают, то приобретают жаркий и непримиримый характер. Достаточно вспомнить призыв Л. С. Выготского «вынести за скобки» психологической науки ее „описательную“, „понимающую“ часть: эта часть психологии должна быть отдана области

искусства, она и так все больше уходит в роман <...> в метафизику» (Выготский, 1982, с. 427). Именно бескомпромиссный разрыв с описательной психологией Л. С. Выготский полагал путем выхода из кризиса психологии, к преодолению растущего раскола направлений и школ в 1920-х годах. «Создание общей психологии есть дело не соглашения, а разрыва» (там же, с. 381). В постсоветской российской психологии противостояние названных парадигм было не менее жестким, что отражено, в частности, в статье А. В. Юревича «Естественно-научная и гуманитарная парадигмы в психологии, или раскачанный маятник», в которой положение естественно-научной (объяснительной) парадигмы характеризуется как «осадное» (Юревич, 2005, с. 147). Представляется, что определенное снижение накала этих споров сегодня обусловлено, прежде всего, тем, что и в отдельно взятых «лагерях» сторонников объяснительной и описательной методологии нет консенсуса и доминирует *тенденция дивергенции*.

Такова реальность современной психологии, но мечта о единой «правильной» методологии продолжает волновать методологов, и в свете этого недостижимого идеала методологическое разнообразие психологии не только не уменьшающееся, но растущее, представляется болезнью, лекарство от которой подобрать никак не удается: «Психологическое знание – это тоже Знание... но, во-первых, знание плохо организованное...» (Юревич, 2010, с. 36). Анализируя состояние психологического знания, А. В. Юревич заключает: «У озабоченных состоянием психологического знания имеются три варианта... либо смириться с «вечным кризисом» психологической науки, воспринимая ее как науку, находящуюся на допарадигмальной стадии развития и списывая все ее недостатки на ее недоразвитость; либо ждать как манны небесной формирования единой парадигмы, о которой давно вожделеет психологическое сообщество, которая объединит эту науку и придаст психологическому знанию организованный, устойчивый и надситуативный характер; либо попытаться найти нетрадиционные варианты организации психологического знания, не глядя с перманентной завистью впоследствием на наукам...» (там же, с. 37).

О типах ценностных оснований методологии психологии

Выбирая последний из предложенных вариантов отношения к состоянию современного психологического знания и полагая, что «всё к лучшему в этом лучшем из миров», я хочу в целом подвергнуть со-

О методологическом разнообразии психологического знания

мнению вредоносность методологического многообразия в психологии.

Когда мы судим о том, хорошо или плохо что-либо для психологической науки, мы руководствуемся некоторым представлением о том, что эта наука собой представляет, чем она в реальности является и чем, по нашему мнению, должна была бы быть. Это представление, лишь отчасти осознанное, прежде всего, включает в себя и целевую функцию психологии, то, для чего существует и чему служит психология, – откуда следуют и представления о «терминальных» и «инструментальных» для психологии ценностях¹. Возьму на себя смелость утверждать, что чем уже и определенное представление о предназначении психологии, тем с большей страстью его носитель отрицает саму возможность иного взгляда, иного варианта понимания психологии, ее сущности, целей, служения и, соответственно, критериев, в соответствии с которыми какое-либо знание к ней относится или не относится и, если относится, то по которым оно здесь оценивается, – т. е. критерии, которые должны быть предъявлены к психологическому знанию. А варианты возможны. Попробуем наметить некоторые классификации понимания психологической науки и соответствующие им ценностные ориентации и критерии, применяемые в отношении психологического знания (см. также: Новые тенденции..., 2019; Психологическое знание, 2018; Теория и методология..., 2007; и др.).

Возьмем за основу классификации *характер деятельности*, которой занимается ученый-психолог, что предполагает те или иные мотивы ученого и его ориентацию на определенные ценности науки.

Традиционно выделяют следующие виды деятельности: игра, познание (учеба), труд. К какому из этих видов подсознательно относит свои занятия ученый? Чем для него является психология? Не вызывает сомнения то, что профессиональная деятельность как существеннейшая часть жизни ученого с неизбежностью включает элементы как игры, так и труда и, конечно, познания, поэтому речь пойдет лишь о доминировании того или иного вида деятельности (мы пока не обсуждаем проблемы познания, учебы). Представляется возможным разделить ученых на тех, кто видит в науке прежде всего игру, и тех, кто рассматривает ее прежде всего как труд.

1 «Одним из краеугольных камней научного познания принято считать его ценностную нейтральность, направленность на открытие истины, а не служение ценностям. Вместе с тем давно подмечено, что само научное познание превратилось в ценность» (Юревич, 2010, с. 190).

Игра

Основными характеристиками игры, если судить по определениям, даваемым ей словарями и энциклопедиями, являются следующие:

- форма деятельности в условных ситуациях;
- игра осуществляется по определенным заявленным правилам;
- вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в результатах, а в самом процессе. В этом смысле игру противопоставляют труду.

В своем фундаментальном исследовании «Человек играющий» (1938) И. Хейзинга предложил следующее определение игры: «Игра есть добровольное действие либо занятие, совершающееся внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождающее чувством напряжения и радости, а также сознанием „иного бытия“, нежели „обыденная“ жизнь» (Хейзинга, 1992, с. 41).

Какие особенности можно приписать методологическим ориентирам тех ученых, которые склонны понимать занятия психологией как игровую деятельность?

Прежде всего естественное и абсолютное принятие условности ситуации исследования, т. е. готовность использовать в качестве исходной точки анализа упрощенное, одностороннее, заведомо не-полное представление о предмете, лабораторную его модель, выстроенную в соответствии с логикой имеющихся теоретических представлений в большей степени, чем с реальностью. Среди этих людей мы вряд ли встретим сторонников описательного подхода, ориентация, конечно же, на объяснительный. И, конечно, на наличие четких правил и их неукоснительное исполнение.

«Мечта любой науки состоит в том, чтобы представить все дисциплинарное знание в виде системы законов. <...> В то же время возможности психологии в плане выявления и формулирования общих законов нельзя и недооценивать: существует немало психологических закономерностей, которые можно сформулировать в виде общих законов. А одним из главных препятствий этому служит близость научного и обыденного психологического познания, стремление психологии ради сохранения статуса науки провести с ним демаркационную линию и, соответственно, избегание ею утверждений, которые могут звучать слишком тривиально» (Юревич, 2010, с. 21, курсив мой. – И. М.) – это сказано именно об этих людях и отражает важнейшие ценностные ориентации в их деятельности.

О методологическом разнообразии психологического знания

Применительно к этой группе попробуем рассмотреть и ранжировать внутринаучные ценности, выделяемые А. В. Юрьевичем с оговоркой, что ценностное поле науки «включает большое количество ценностей, образующих сложное переплетение» (там же, с. 197). Пребывая в сложном переплетении, по всей видимости, одни ценности легко могут вступать в противоречие с другими, а какие-то тесно связаны между собой в силу их общей природы:

Общенаучные ценности психологии:

- ценность научной истины и ее объективного постижения;
- объяснение мира;
- обретение возможностей его предсказания и контроля над ним;
- производство нового знания;
- построение его системы, соответствующей определенным критериям (упорядоченность, непротиворечивость и др.).

Специфические ценности психологии как социогуманитарной науки:

- стремление не просто познать человека и общество, но и сделать их лучше, усовершенствовать общество и человеческую природу;
- практическая направленность;
- социальная релевантность производимого знания, а также того знания, которым они обладают, не сами его производя, и умение его преподносить. Превращается в ценность харизматичность и «заметность» самих социогуманитариев.

Внутридисциплинарные ценности психологии:

- быть похожей на точные науки;
- не быть похожей на точные науки;
- ценность самобытности, уникальности психологической науки.

Какие общенаучные ценности доминируют ученых «игровой» ориентации? Иными словами, каким ценностям в ситуации возможного конфликта другие ценности могут быть принесены в жертву? Домinantными для них представляются ценности: а) научной истины и ее объективного постижения, б) построения системы знания, соответствующей определенным критериям (упорядоченность, непротиворечивость и др.). Оставшиеся общенаучные ценности ставятся в зависимость от доминантных и принимаются в расчет только в той мере, в какой они соответствуют первым.

Специфические ценности психологии как социогуманитарной науки в том виде, в каком они представлены выше, особого веса во-

обще не имеют, поскольку входят в противоречие с высокозначимой ценностью из следующей группы внутридисциплинарных ценностей психологии: быть похожей на точные науки.

Таким образом, явно выделяется триумвират тесно связанных между собой ценностей, по отношению к которым все остальные оказываются существенно ниже рангом и в высокой степени зависимыми:

- ценность научной истины и ее объективного постижения;
- построение системы знания, соответствующей определенным критериям (упорядоченность, непротиворечивость и др.);
- быть похожей на точные науки.

Если говорить о приоритете одной из этих трех ценностей, о прида-
нии ей терминального характера таким образом, что остальные две станут инструментальными, пожалуй, вторая ценность — построение системы знания, соответствующей определенным критериям (упорядоченность, непротиворечивость и др.) — может претендовать на статус абсолютного и высшего блага.

Труд

Для тех, кто рассматривает занятия психологией прежде всего как труд, приоритеты и ориентации будут иными. Для труда важен ре-
зультат, т. е. полезность исследований. О том, насколько распространен подобный взгляд среди ученых, принадлежащих к тем или иным «школам» психологии, можно судить по тому, насколько в рамках той или иной школы связаны теория и практика (см.: Взаимоотноше-
ния..., 2015; Галкина, Журавлев, 2019; и др.). Известный и непреодо-
лимый схизис проявляется неравномерно. Выскажу предположение, что отрицательное мнение практиков менее выражено по отноше-
нию к глубинной психологии, чем по отношению к когнитивизму с его компьютерной метафорой.

Игра и труд недаром противопоставлены как виды деятельности. Идеальное и полное знание — недостижимый идеал. Реальное пси-
хологическое знание, как и вообще научное знание, всегда в чем-то ошибочно, ущербно, что-то в нем не учтено, чем-то пренебрегли... И тут одни говорят: «Какая разница, что методология, с помощью которой получено некоторое знание, не совершенна, не соответст-
вует строгим критериям научности! Пусть что-то чему-то противо-
речит в посылках, выборки не вполне репрезентативны и расчеты сомнительны, — важно, что оно работает!». Другие: «Какая разница,

О методологическом разнообразии психологического знания

что оно работает, если оно не соответствует критериям научности!». Возможность использования «ненаучного» или недостаточно научного знания воспринимается как опасность, так как «близость и богатые возможности обыденной психологии в качестве источника психологического знания создают опасность для научной психологии, заключая в себе постоянную угрозу ее статусу как науки и заставляя ее постоянно отвечать на вопрос: „Чем научное психологическое познание отличается от обыденного и зачем нужны профессиональные психологи, если каждый человек – психолог?“ Это вынуждает научную психологию постоянно поддерживать дистанцию с психологией обыденной, трактовать ее наблюдения и обобщения как ненаучные» (Юревич, 2010, с. 47).

В рассуждениях ученых, для которых главной ценностью является соответствие знания критериям научности, мне видится определенное логическое противоречие. Аргументируя необходимость строго следовать критериям научности, они делают упор именно на том, что наука – наиболее действенный, эффективный вид познания, непосредственно влияющий на жизненные реалии, с чем не поспоришь. При этом в зону слепого пятна методологов уходит практическая бесполезность львиной доли психологического знания, полученного с учетом этих критериев. Именно такие исследования порождают те горы фактов, которые наполняют страницы тысяч психологических журналов во всем мире, ничем не способствуя ни практике, ни продвижению в понимании сущности психического: «Типовой продукт исследования, выполненного в русле академической психологии, – это коэффициенты корреляции между переменными, демонстрирующие, „что на что влияет“, и имеющие весьма отдаленное отношение к потребностям практической психологии» (Юревич, 2010, с. 42).

Может быть, что-то не так с критериями?

Как же мы можем описать ценностные ориентации тех, кто видит в занятиях психологией трудовую деятельность, деятельность ради результата?

Среди общенаучных ценностей психологии доминируют как раз те, что оказались второстепенными в случае «игровой» ориентации: объяснение мира, обретение возможностей его предсказания и контроля над ним, а также производство нового знания. С этими ценностями ставятся в зависимость и ценность научной истины и ее объективного постижения, и построения системы знания, соответствующей определенным критериям (упорядоченность, непротиворечивость и др.). Картина получается зеркальная по сравнению с первой описанной группой.

Специфические ценности психологии как социогуманитарной науки здесь обретают огромную значимость, становятся главными и ведущими во всей системе ценностей. Среди внутридисциплинарных ценностей психологии представляется более других значимой ценность самобытности, уникальности психологической науки, необходимая для обоснования разнообразия психологической практики.

Таким образом, имеется иерархия, где специфические ценности психологии как социогуманитарной науки, тесно связанные между собой, имеют максимальную значимость, выступают в качестве своего рода терминальных ценностей. Система обозначенных выше общенаучных ценностей выступает в качестве инструментальной подсистемы, куда мы отнесем и ценность самобытности, уникальности психологической науки.

В нашем анализе мы временно отложили вариант деятельности ученого, для которого ведущей ценностью являлось бы познание как таковое. Отложили в силу того, что сама научная деятельность предполагает эту доминанту. Применительно к рассмотренным выше вариантам научное познание выступает как игра или же как труд. Основные функции науки: объяснение мира, обретение возможностей его предсказания и контроля над ним – в рассмотренных системах ценностей играют подчиненную роль. Могут ли эти ценности быть приоритетными? Как соотносились бы с ними при этом остальные виды ценностей?

Если в абсолютном приоритете взаимосвязанные ценности объяснения мира, обретения возможностей предсказания его изменений и контроля над ними, то все остальные (общенаучные и ценности психологии как социогуманитарной науки, внутридисциплинарные, ценности объективности познания и его соответствия каким-либо критериям и практической полезности, релевантности запросу момента, похожесть-непохожесть на другие науки) имеют инструментальный характер и обусловлены ситуативно, т. е. значимы в той мере, в какой они работают на главные в конкретной ситуации.

Основываясь на таких посылках, мы приходим к достаточно триадальному утверждению: методология науки как познания должна прежде всего соответствовать предмету последней, чтобы получаемое психологическое знание обеспечивало его адекватное отражение.

О многомерности предмета психологии

Принимая определение предмета психологии как «мир наших душевных явлений» (А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский), «наш вну-

О методологическом разнообразии психологического знания

тренний мир» (В.Д. Шадриков, В.А. Мазилов), «наше психическое содержание» (по словам И.П. Павлова), мы не можем не признать бесплодной любую попытку выстроить адекватную, целостную и полную, теоретическую модель путем проекции на какую-либо одну «методологическую плоскость».

Психическое субъективно по своей природе, но не однородно. Мир наших душевных явлений имеет сложное строение. Важным прорывом в методологии психологии может стать предложенная В.В. Знаковым трехуровневая модель человеческого понимания (Знаков, 2016), где выделены три типа «жизненных миров» человека, в каждом из которых действует своя логика, свои законы и типы понимания (см. таблицу 1).

Принимая столь сложную, неоднородную структуру «внутреннего мира человека», можем ли мы надеяться выстроить адекватное предмету его объяснение, предсказание и контроль, оставаясь в пределах одной логики, одной системы законов и критериев познания? Мечта о такой единой системе до сегодняшнего дня будоражит умы теоретиков (Mammep, 2017), однако, на мой взгляд, она принципиально неосуществима, по своей природе носит редукционистский характер.

Таким образом, представляется целесообразным даже в пределах феноменологической реальности психического рассматривать возможность и даже необходимость плюрализма методологических подходов.

Таблица 1
Понимание субъектом реальностей мира человека
(Знаков, 2016, с. 48)

Теоретические основания понимания	Три реальности мира человека		
	Эмпирическая	Социокультурная	Экзистенциальная
Традиция психологических исследований	Когнитивная	Герменевтическая	Экзистенциальная
Способ понимания мира	Парадигматический	Нarrативный	Тезаурусыный
Основания понимания	Знание и значение	Мнение и смысл	Переживание и опыт
Тип понимания	Понимание-знание	Понимание-интерпретация	Понимание-постижение

Но самой важной, сложной, актуальной и болезненной представляется проблема реализации *принципа методологического плюрализма* в контексте «вертикальной интеграции» психологии (Юревич, 2010), т. е. интеграции психологического знания о феноменологической субъективности представлении психического и знания о сторонах и аспектах существования психического в его соотношении и взаимодействии с объективной реальностью. Эта проблема включает в себя уже описанное выше противостояние объяснительной и описательной парадигм, но этим противостоянием не исчерпывается.

О «вертикальной» интеграции психологии

В русле разработки «проекта научной психологии», т. е. знания, построенного на основе принципов объективности, детерминизма и рациональности, веками и даже тысячелетиями разрабатывались и разрабатываются сегодня учеными линии объяснения психического через его «объективное» содержание – психическое как образ мира (психофизическая проблема), и через «носителя» психического – организм (психофизиологическая проблема). На основе и в русле этих линий научного поиска сформирован массив фундаментального и достаточно достоверного психологического знания, составляющий содержание дисциплины «Общая психология» в профессиональном психологическом образовании. Психолог, обладающий этим знанием, хотя бы до известной степени имеющий в голове «карту» предметной области психологии, где отмечены соответствующие области психологического знания, по-другому смотрит и на те области, которые непосредственно к психофизической и психофизиологической проблемам не относятся, прежде всего, например, на фокусные для современной российской психологии проблемы личности. По-иному их видят тот, кому и в голову не приходит как-то соотносить проблемы психологии личности с массивом научного общепсихологического знания о процессах и состояниях. И это отсутствие принятия во внимание знания о процессах и состояниях при анализе проблем личности – тоже своего рода редукционизм, хотя, на первый взгляд, речь не идет о сведении сложного к более простому и рационально понятному. Здесь есть актуальная методологическая проблема психологии, принципиально важная для перспектив ее современного развития.

Приведу пример из собственной преподавательской практики. Юноша-магистр с законченным высшим образованием в области математики поступил на обучение по специальности «Психология

О методологическом разнообразии психологического знания

личности». Подобно многим, он часто сетовал на несовершенство психологического знания. Однажды он мне сказал, что в психологии нет фундаментальных теорий. На этом основании он уже разработал некий план спасения нашей науки. Я закончила факультет психологии ЛГУ им. А. А. Жданова по специализации «Общая психология», здесь же защитила кандидатскую и докторскую диссертации, тоже по общей психологии. Я пыталась осознать то, что он сказал, в контексте своей картины науки. И тут мне вспомнился другой эпизод, который для меня стал объяснением происходящего и одновременно в новом свете выяснил, что происходит с наукой. В 2006 г. мне довелось участвовать в международном форуме «Образ российской психологии в регионах страны и в мире». В своем выступлении коллега из Сибири доказывал необходимость включения дисциплины «Общая психология» в учебный план подготовки психологов. Поскольку для меня вопрос был самоочевиден, я подошла к докладчику и спросила: а в чем, собственно, проблема? Он ответил, что подготовку по психологии их университет открыл, а среди преподавателей нет ни одного с психологическим образованием. Возникают большие проблемы с тем, чтобы читать общую психологию. С другими дисциплинами справляются, а эту – не могут. Вот и возникло уже мнение – убрать ее из учебного плана. Я много раз приводила этот эпизод как пример абсурдности происходящего с психологией после перестройки. И вот в разговоре с сегодняшним магистром я осознала, что психолог, не обремененный знанием общей психологии, – это не абсурд, не шутка, это реальность современной российской психологии, современного профессионального образования. То немногое из психологического знания, что я вижу в своей картине психологической науки даже не как верхушку айсберга, а как небольшой рукав, маленькое ответвление великой реки, юноша считает тем целим, которое является психологией. «И состоит сегодня слон из одного хвоста»... Юноша не знает, не осознает, не принимает в расчет всего, что называют общей психологией. Возможно, вообще не подозревает о существовании этого массива психологического знания. Бакалавриат по психологии он не заканчивал. А магистром психологии сегодня можно стать, познакомившись с отдельно взятым ее кусочком, будь то хвост, хобот или ухо – в зависимости от учебной программы. И это одно из закономерных проявлений стремления к методологическому монизму – через «вынесение за скобки» всего, что в этот монизм не укладывается.

Массив имеющегося психологического знания огромен, никто не может охватить его полностью, это тривиально. Однако психолог

должен иметь хотя бы общее представление о предметной области своей науки, о ее структуре и о содержании имеющегося психологического знания. Пусть в его представлениях все это не будет интегрировано рационально, логично и последовательно, возможности понимания не исчерпываются рациональным познанием и при этом приносят свои результаты. Даже если «психологи, в своем профессиональном мышлении воспроизводящие общие закономерности человеческого мышления, проявляют отчетливо выраженную нетерпимость к подобной – «параллельной» – детерминации явлений» (Юревич, 2010, с. 150).

Как убедительно показано А. В. Юревичем, «горизонтальная интеграция» психологии сегодня успешно осуществляется, «диагональная» также не вызывает тревоги (там же). Беспокойство вызывает то, что в части «вертикальной» интеграции доминируют практически безраздельно монистические устремления: либо к поглощению соседней области (типично для объяснительных вариантов методологии естественнонаучного образца), либо к игнорированию соседа, «вынесению его за скобки» (типично для психологии «сложных контекстуально опосредованных явлений» феноменологического плана).

Представляется, что оба варианта монизма смертельно опасны для психологической науки, чреваты деградацией и обесцениванием психологического знания, производимого школами, идущими по такому пути, потому что «понять и объяснить психику можно, только рассматривая ее одновременно и как порождение социума, и как функцию нейронов, и как многообразие нашего феноменального мира, и в других ипостасях» (там же, с. 149).

Методология психологии в изменяющемся мире

А. В. Юревич характеризует психологическое знание как «знание «скользящее», изменяющееся вслед за его постоянно изменяющимся объектом» (Юревич, 2010, с. 36). Эта особенность представляется в максимальной степени полезной и востребованной в современном мире, который уже привычно называют изменяющимся. Человек изменяет мир и себя как часть его с нарастающей скоростью. Ярким примером радикального изменения мира стала пандемия COVID-19, принесшая в жизнь каждого из людей перемены такого масштаба и направленности, каких никто не ожидал. Не повторяя ставшие тривиальными фразы о текучей и непредсказуемой реальности современного мира, отметим, что в этом изменяющемся мире полю-

О методологическом разнообразии психологического знания

сом, средоточием, узлом, источником и генератором изменений является как раз предмет нашей науки.

Во всех областях жизни, в науке и практике, возникают новые задачи, и рождаются новые острые запросы к психологии. Обновляющаяся реальность требует появления новых психологических теорий для ее отражения. Так, в свое время компьютерная революция породила не только когнитивную психологию с ее компьютерной метафорой, но и теории креативности – качества интеллекта, которое компьютеры не могли взять на свои плечи, когда они, войдя повсеместно в жизнь, обесценили частично для практики качества, до того времени высоко ценимые и находящиеся в центре внимания психологов, исследовавших интеллект: способность быстро и безошибочно обрабатывать большие массивы информации. Когда в последних десятилетиях XX в. профессии «человек–человек» стали самыми массовыми в развитых странах и возник спрос на способности понимать людей и управлять ими, появились теории социально-эмоционального интеллекта. Нет оснований сомневаться, что в современном стремительно обновляющемся мире возникнут и уже возникают принципиально новые запросы человеческой практики (так, например, уже началось и, несомненно, продолжится «слияние» человека и машины), которые потребуют от психологии новых теорий и подходов.

Психологическое знание в высокой и возрастающей с ускорением темпов изменения мира степени исторично. Теории, широко применяемые, адекватные своему времени вместе со своим временем уходят (что пока не стало предметом большого внимания психологов, но широко обсуждается социологами). В то же время идеи, имеющиеся в истории психологии, но не получившие еще широкого распространения, приобретают шанс на иррадиацию в изменившемся мире, подобный тому, который получили первые млекопитающие после того, как динозавры не справились с изменившейся в результате катаклизма средой обитания. Развитие новых технологий представляется возможным рассматривать как фактор продолжающейся и ускоряющейся биологической эволюции человека (Мироненко, Журавлев, 2019), что придает новую актуальность идеям, высказанным ранее Б. Г. Ананьевым (1977), и в целом теоретической модели человека, заложенной в российской советской психологии, отличающейся от представлений, доминировавших в западноцентристическом мейнстриме XX в. (Мироненко, Журавлев, 2019; Мироненко 2019).

Новые актуальные направления и порождаются новейшими технологическими изменениями (см., например: Нестик, Журавлев, 2019

и др.), и возвращаются к новой жизни из наследия психологической науки. Психологическое знание живет, разрастается и дифференцируется вслед за своим изменяющимся предметом.

В поиске путей «вертикальной» интеграции растущего и дифференцирующегося психологического знания в современном мире мне представляется крайне важным *сохранение ориентации на исторически сложившуюся традицию*, воплощенную в двух психологических дисциплинах: общей психологии и истории психологии. При всех имеющихся национальных и локальных особенностях в строении и содержании этих дисциплин все же достаточно много общего. Массив накопленного психологической наукой знания уже интегрирован в них в той форме, которая оказалась такой, какой она только и может быть – плюралистической. Такая организация психологического знания естественна, как организация любой естественной науки, структура и методология которой определяются ее предметом. Этот предмет она призвана объяснить, предсказать и контролировать. Попытки «монистов» переструктурировать этот массив грозят лишь изуродовать естественно сложившуюся систему, лишить ее жизненно важных частей, добавить же что-либо полезное они вряд ли способны.

Естественно сложившаяся в процессе исторического развития дисциплины, полипарадигмальная, плюралистическая система психологического знания, обладающая потенциалом методологического разнообразия, подобно складному ножу, адекватна предмету и задачам психологии. Методологическое *многообразие* психологии – не болезнь, а *потенциал* ее развития.

Литература

- Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.*
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.*
- Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.*
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л. Развитие научных идей Я. А. Пономарева: от теории и методологии к практико-ориентированной психологии // Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования: Материалы II*

О методологическом разнообразии психологического знания

- национальной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.А. Мазилова. Ярославль, 2019. С. 13–15.
- Журавлев А.Л.** Глобальная психология и глобалистика: попытка научного анализа // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества / Под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019.
- Журавлев А.Л., Мироненко И.А., Юрьевич А.В.** Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
- Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.** Проблема объективного метода в психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль: МАПН, 2005.
- Знаков В.В.** Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Знаков В.В.** Психология понимания многомерного мира человека // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016. Вып. 1. С. 47–57.
- Мироненко И.А.** Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019а.
- Мироненко И.А., Журавлев А.Л.** Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019б. Т. 40. № 6. С. 87–98.
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л.** Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований. Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.
- Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. В. Юрьевич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. В. Юрьевич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. В. Юрьевич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Хейзинга И.** Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
- Юревич А. В.** Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или Раскачанный маятник // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 147–151.
- Юревич А. В.** Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Mammen J.S.** A New Logical Foundation for Psychology. Springer, 2017.